

Р. Е. Пономарев

*кандидат педагогических наук, преподаватель пастырского отделения
Православная духовная семинария Кемеровской и Новокузнецкой епархии
г. Новокузнецк*

**ВЛИЯНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
НА ОБРАЗ ЖИЗНИ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В СИБИРИ XVII ВЕКА**

Освоение Сибири, присоединение к Российскому государству новой, огромной по размеру и богатой ресурсами территории имело не только экономическое, но и важное культурное значение. Процесс освоения

предполагает не только приобретение умения и возможности пользоваться чем-либо, «глагол же *освоить* в XVII в. имел значение «присвоить, сделать своей собственностью» [1, с. 118] что подразумевает использование экономических возможностей новых земель, с одной стороны, с другой – осуществление перехода от отношения: «Сибирь – чужая» к отношению: «Сибирь – своя». Данная тенденция проявляется в переподчинении управления сибирскими делами в Москве. «Когда завоевание Сибири было еще делом новым, – пишет Г. Ф. Миллер, – и на эту область смотрели, как на что-то чужеземное, тогда высший надзор за тамошними делами принадлежал Посольскому приказу», спустя некоторое время, «Царь Борис Федорович Годунов в 1599 г. приказал ведать Сибирь тому приказу, который управлял также Казанью и Астраханью. Он назывался Казанским и Мещерским дворцом, а иногда и просто Казанским дворцом», и только в 1637 г. было принято решение «создать в Москве особый приказ, названный Сибирским приказом» [2, с. 88–89].

Военные, наряду с решением задач присоединения и обороны новых земель, решали и образовательные задачи. Приведение местных народов под высокую царскую руку, предполагало изменение в поведении как сибирских народов в целом, так и каждого из его представителей, в частности. В Сибири постепенно складывалась система новых запретов и требований к местному населению, обеспечение которой возлагалась на военных. Наиболее суровые наказания были за выступление против русских властей. Наряду с ответственностью перед русскими непосредственных нарушителей, данные действия имели воспитательное значение: «чтоб иным неповадно было». Знание о действиях и их возможных последствиях создавало ситуацию оценивания собственных поступков, что является необходимым условием формирования ценностей, регулирующих поведение.

В царской грамоте воеводе князю Григорию Долгорукому от 16 марта 1596 года говорится: «А толмача Митю Токманаева за воровство, что он воровал, смуту и ссору сделал в волостях в ясашных и в служилых людех великую, велели ево бити кнутом по торгом передо всеми служилыми и ясашными татараы и посадили его в тюрьму до нашего указа, чтоб неповадно было впредь иным вором так воровать, смуты и ссоры в волостях в ясашных людех и в служилых татарех делать» [2, с. 149]. При этом людям, которые по его подстрекательству изменили и сбежали, предоставляется возможность вернуться обратно, было дано указание «чтоб они ехляли на Тюмень и жили по своим юртом и по волостям попрежнему, и нашу службу служивые татарове служили, а ясашные люди ясак с себя платили по прежнему, и велим им дати вперед наше денежное жалованье» [2, с. 149]. Уже здесь проявляется то, что запреты и требования сопровождаются не только наказанием, но и стимулированием со стороны русских властей определенных форм поведения: «А только они не пойдут на Тюмень и не учнут жити по своим юртом и по волостям попрежнему... вы б велели им сказати, что мы пошлем на них рать свою, а велим повоевать; а которые заклады и них в городе сидят, и мы и тех велим побить для их измены; а

только они придут житии на Тюмень, и мы их пожалуем лутче прежнего» [2, с. 149].

При этом среди самих военных наблюдаются отклонения от общепринятых в европейской части Государства Российского норм и правил христианской жизни, выраженные в отношении к семье и браку, женщинам, христианским символам и обрядам. Ощущение вседозволенности победителей проявлялось в широко распространяющемся пьянстве и сексуальной распущенности. Среди русских переселенцев существенно преобладала мужская половина, что подвигало казаков к блудной жизни с женщинами сибирских народов: «с татарскими и с остяцкими и с вагулецкими поганскими женами смешаютца и скверная деют, а иные живут с татарскими с некрещеными как есть с своими женами, и дети с ними приживают, а иные и горше тово творят: поимают за себя в жены в сродстве, сестры свои родные и двоюродные и названные и кумы крестные, а иные де и на матери свои и на дщери блудом посягают и женятца на дщерях и на сестрах, еже ни в поганых и незнающих бога не обретаецца, о них же неточию писати, и сышати гнусно; и в таком пребеззаконном деле многие и дети с ними приживают» [2, с. 276–277]. Казаки не только не стремились вступать с женщинами сибирских народов в законный брак (в соответствии с Законом Божьим), но и не могли венчаться без принятия инородками православия [3, с. 102]. В виде невенчанного брака среди русских военных распространялось многоженство, которое приобретало различные формы: от совместного проживания с несколькими женами, до попеременного проживания с женщинами в различных поселениях, «острогах и зимовьях, куда их посылали для сбора ясака» [2, с. 73].

Г. Ф. Миллер связывал негативное поведение русских со сложившимися обычаями еще у донских казаков, которые, подражая туркам и татарам, относились к браку как к обычному житейскому договору, действующему «пока повелевающая сторона, т.е. мужчина, находит его удобным. Они, как татары, покупали и продавали жен; когда они нуждались в деньгах, они закладывали их на определенный срок. Они не знали ни ревности, ни той нежности, которую внушает нам женщина, являющаяся нашей и связанная только с нами; наоборот, в их понимании собственность на женщину ничем не отличалась от собственности на всякое другое имущество» [2, с. 72].

Казак, уезжая в Москву или в любой другой город, мог заложить жену, и по возвращении выкупить ее обратно, а «те люди, у которых они бывают в закладе, с ними до сроку, покаместа которые жены муж не выкупит, блуд творят беззасорно», – говорится в грамоте патриарха Филарета архиепископу сибирскому и тобольскому Киприану [2, с. 277]. Если за это время казак обзаводился новой женой или по какой-то иной причине не выкупал жену в установленный срок, «то заимодавец мог либо оставить ее себе, либо выдать замуж за другого, либо продать» [2, с. 72]. На обратном пути казаки обманом (обещая жениться или выдать замуж) уговаривают и привозят в Сибирь девушек и молодых женщин, которых держат «за жен места, а иных порабощают и крепости на них емлют сильно, а иных продают литве и

немцом и татаром и всяким людем в работу, и иные всякие беззаконные дела делают, чего не токмо писати, и слышати жалостно и богу мерзко» [2, с. 277].

Патриарх Филарет обращает внимание на нарушение православных обрядов в Сибири: «многие ж русские люди и иноземцы Литва и немцы, которые в нашу истинную православную христианскую веру крещены, крестов на себе не носят и святы постных дней, среды и пятницы, не хронят, и в постные дни едят мясо и всякие скверны з бусорманы, с татары, и с остяки и с вогуличи вместе» [2, с. 276]. Предыдущие случаи в некоторой степени связаны с объективными обстоятельствами (традиции, нарушение гендерного баланса), то здесь проявляется пренебрежительное отношение к самой вере, ее символам и обрядам. Как указывает Софронов Н. М., процесс присоединения Сибири «сопровождался для многих первопроходцев духовно-нравственным падением, чего так боялись истинные православные» [4, с. 109].

Русскую православную церковь в этой ситуации интересуют, прежде всего, процессы поддержания христианской культуры в Сибири, которые неразрывно связаны с деятельностью православных церквей и монастырей, священников и монахов. Наряду с решением сугубо религиозных задач связанных с культом, «религиозная традиция, – пишет диакон А. Кураев, – воспроизводит и транслирует тот или иной тип внутреннего устройства человека... Это прежде всего определённый строй духовной жизни, духовный такт и даже «вкус». Обретение этого строя и передача опыта этого обретения и есть назначение Церкви» [5, с. 241]. В процессе познания основ христианства, прихожанин узнает, что он должен делать в повседневной жизни, а о чем может обратиться к Господу в молитве, что ему по силам самому, а в чем уповать на «промысел Божий».

Важную роль в познании христианского учения имеет проповедь, особенно актуальная среди неграмотного населения, для которого остаются недоступными священные тексты. В проповеди раскрываются смыслы православной веры, нормы и правила христианской жизни, которые уже в рамках исповеди выступают критериями оценки собственного повседневного поведения. Священнослужитель не осуществляет контроля за поступками каждого представителя его паствы. В исповеди каждый прихожанин занимает рефлексивную позицию в отношении к собственной жизни, которую оценивает с точки зрения правил и норм православия. Вне процесса оценки не появляются и ценности, а соответственно исповедь выступает одним из важнейших институтов формирования и поддержания христианских, духовно-нравственных ценностей. Конечно, каждый человек оценивает свои поступки не только в храме, однако именно в церкви на исповеди оценка осуществляется по определенным институциональным правилам. Данное обстоятельство позволяет полагать, что появление в Сибири храмов и монастырей неразрывно связано с поддержанием и распространением христианской культуры, которое оказывало существенное влияние на поведение, образ жизни русских переселенцев их обучение и воспитание.

До открытия отдельной епархии с кафедрой в Тобольске Сибирь относилась непосредственно к Московской епархии и строительство храмов в укрепленных пунктах и городах осуществлялось как по решениям царя и патриарха, так и произвольно, без четкого плана. Священнослужителями были выходцы из европейской части России, оттуда же поставлялись иконы и другие предметы культа. В начале XVII в. священников и церквей в сибирских городах существенно не хватало. Так в Тюмени «в остроге храма нет; а он де на пасаде поп один и маломощен, а другого де попа нет, и в том де попа нет, и в том де ему и всем людям тягость великая...», – говорится в грамоте царя Бориса Годунова [2, с. 156]. Проблемы духовной жизни проявлялись как в среде священнослужителей, так и среди монахов: «...до приезда Киприана в Сибирь, монахи и монахини жили вместе в одном и том же монастыре. Поэтому в сибирских монастырях царил полный разврат: монахи развратничали с монахинями и с мирскими людьми. Многие монахи и монахини снимали с себя чернецкое платье, и жили в одних домах с мирскими людьми, и в своей жизни ничем не рознились от этих последних», – утверждает П. Н. Буцинский [6, с. 285]. Храмы и монастыри, призванные стать центрами распространения христианских духовно-нравственных ценностей, а также многие священники и монахи, выступающие от имени православия, явно не соответствовали предъявляемым требованиям и не могли на тот момент достойно справиться с поставленными задачами служения, православного обучения, воспитания и христианского образования в целом.

В 1620 году принимается решение об открытии в Сибири отдельной епархии. Первоочередной задачей, по мнению первого сибирского архиепископа Киприана, являлось исправление сложившейся ситуации среди русских переселенцев, укреплении их в православной вере [7, с. 63]. Сибирская епархия с центром в Тоболе была призвана распространить «апостольское учение во всех градех... да во всех концах вселенныя Его святым заповедем проповедатись подобает», – говорится в грамоте от 15 января 1621 года царя Михаила Федоровича [8, с. 152]. Его непосредственное участие в делах русской православной церкви связано с тем, что первый царь из династии Романовых был сыном патриарха Филарета. Это обстоятельство существенно повлияло на гармонизацию отношений между светской и духовной властями, и, как следствие, привело к постановке задач распространения на российской территории (в том числе и в Сибири) православной конфессии, не только наведение порядка в русских населенных пунктах, но и приобщение к православной культуре сибирских аборигенов.

Теологическим обоснованием действий, направленных на решение первоочередной задачи исправления образа жизни русских переселенцев, согласно грамоте патриарха, выступили слова апостола Павла к Тимофею «о преступающих закон, тако глаголя: умоли, обличи, запрети таковая творящих. Виждь убо, яко первое умолиши повелевает, потом же обличити, яко непослушавших, непокорившихся истинне запретиши, еже есть отринути или отсеци, яко гнил уд, повелевает». Патриарх говорит о необходимости

исправления согрешивших, приведение их к покаянию и утверждению в вере, чтобы в дальнейшем они не совершили более тяжких грехов, за которые на них будут налагаться епитимьи. В форме собеседования «слово истины тем предлагати и гладостию словес, яко медом, услаждающим, устне тех помазати; а аще убо благопослушливы обрящутца, благодать создавшему нас, яко обретохом погибшее по глаголющему: яко велия радость бывает на небеси о едином грешнице кающемся» [2, с. 278–279].

В отношении тех, на кого это не подействует патриарх говорит об отлучении от божественных тайн и о возможности исправления через покаяние. А тех, кто несмотря ни на что «не послушают и всячески сопротивни будут вашему учению, наипаче же Христове вере и апостольскому преданию, таковых убо не точию запрещати и обличать, но и градским казнем подлагати закон повелевает, точию по различию греха и с велицем рассмотрением, пощавевати же никако же, понеже сопротивни не точию нашему учению, но и самому богу, и лучше есть согнивший уд от тела отнятии, да не все тело погибнет» [2, с. 280].

В отношении монахов сожительствующих с монахинями патриарх говорит о необходимости их расселения не только по различным монастырям, но и о направлении в разные города. Исправляя сложившееся положение дел, Киприан, назначил нового игумена Германа в Никольский монастырь, Макария – в Покровский и т.д. Наряду с заменой настоятелей он создает условия для христианской жизни – благодаря его усилиям возникают новые храмы и монастыри, расселяются монахи и монашки, решаются задачи материального обеспечения культовых учреждений. Следует также отметить, что «В те времена на монастыри смотрели как на необходимую принадлежность всякого города, потому что, кроме своего прямого назначения, они служили также убежищем старым и немощным людям, неспособным к самостоятельному существованию или просто утомленным мирской жизнью и желавшим провести в покое и без забот остаток своих дней. Поэтому-то в Сибири было очень мало городов, в которых рано или поздно не были построены монастыри» [2].

Киприан, с точки зрения Г. Ф.Миллера, «поучениями и мудрыми распоряжениями, при поддержке патриарха, искоренил все царившие в Сибири непорядки и злоупотребления и как в церковном чине, так и в миру завёл во всём благочиние» [2, с. 68]. Вместе с патриархом Киприана поддерживал и царь. При помощи указов он обязал воевод помогать архиепископу. Однако, с нашей точки зрения, проблема приобщения к духовно-нравственным ценностям, совершенствования образа жизни людей имеет более сложный характер и не может быть полностью решена за относительно короткий промежуток времени (с 1621 по 1624 гг.). Возможно, именно в связи с этим в Сибири середины XVII в. наряду с жестокими нравами, «распушенность царила как в мире, так и в монастырях» [6, с. 294]. Сложность положения представлена в челобитной архиепископа Сибирского и Тобольского Симеона царю Алексею Михайловичу: «В твоей государевой дальней вотчине во всей Сибирстей стране дети боярские и служилые, и

всяких чинов люди провозят с Руси вольных и крепостных людей и крестьян, и держат их у себя в работе поневоле. ...И много жонки и девки, живучи у них в неволе с нужи из бедности, приживают беззаконством детей... Вели, государь, о том ко мне, своему государеву богомольцу, и по городам прислать свои государевы грамоты, чтоб в Сибири всяких чинов сибирские люди православных христиан неволею у себя не держали и девок и жонок без мужей и мужеска полу без жен у себя по тому же бы не держали, чтоб те пребеззаконные дела вывелись, чтоб за такое многое пребеззаконие гнева Божия на себя не навести»» [9, с. 298–299]. Со своей стороны Семион сделал обязательными наставления священников после службы прихожанам, что, в свою очередь, становится одним из методов обучения и воспитания паствы.

Поддержка царя и патриарха при взаимодействии с воеводами, поучения священнослужителей прихожанам, приводят к позитивным результатам. Мы разделяем точку зрения Л. А. Тресвятского, что «Киприан сделал самую сложную работу по укреплению православия в Сибири. Последующим сибирским архиереям было уже «легче», и постепенно удалось значительно улучшить духовно-нравственную жизнь сибиряков и тем самым укрепить православие в Сибири», «люди постепенно осознали, что отношения в Сибири не должны принципиально отличаться от Европейской России» [10, с. 132]. Если военные власти первоначально «смотрели сквозь пальцы» на нарушения норм и правил христианской жизни, то благодаря действиям патриарха, архиепископов произошли позитивные изменения, как в образе жизни самих переселенцев, так и среди военных, поддержавших и способствовавших данным изменениям.

Литература

1. Инютина Л. А. Деятельность русских людей в Сибири XVII в. в отражении глагольной лексики/ Л.А.Инютина // III чтения, посвященные памяти Р.Л.Яворского (1925–1995): Материалы Международной научной конференции. – Новокузнецк: РИО КузГПА, 2007. – С. 118.
2. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т II. / Г. Ф.Миллер. – М.,Л.: Издательство АН СССР, 1941. – С.88–89.
3. Абрамов Н. А. Город Тюмень. Из истории Тобольской епархии / Н. А. Абрамов. – Тюмень, СофДизайн, 1998. – С. 102.
4. Софронов М. Н. Роль православия в становлении государственности в Сибири // Православие и Россия: прошлое, настоящее, будущее. Материалы Духовно-исторических чтений VI и VII. – Томск. Из-во НТЛ, 1998. – С.109.
5. Кураев А. Человек перед иконой. / А.Кураев // Квинтэссенция: Филос. альманах, 1991. – М.: Политиздат, 1992. – С. 241
6. Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников/ П. Н. Буцинский. - Харьков, 1889. – С.285.
7. Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032-1882 гг./И.В.Щеглов. – Сургут. Северный дом. 1993. – С.63.
8. Тобольский архиерейский дом в XVII в. – Новосибирск, Сибирский хронограф, 1994. – С.152.
9. Челобитная царю Алексею Михайловичу о запрете держать православных в работе поневоле // Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII в. Издание

подготовили Е. К. Ромодановская, О. Д. Журавель. Отв. ред. академик РАН Н.Н. Покровский. Выпуск X. – Новосибирск, Сибирский хронограф. – С.298–299.

10. Тресвятский Л. А. Влияние православия на духовную жизнь Сибири в XVII – начале XX в.: Дисс. д-ра культурологии / Л. А. Тресвятский. – Кемерово, 2006. – С. 132.